

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДИСКУССИИ

ББК Э212

ВЕРА – ТО ОБЩЕЕ, ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ НАУКУ И РЕЛИГИЮ, НО КАК?

А.А. Игнатенко

Кременчугский краеведческий музей, Украина

Рецензент А.И. Ревякин

Ключевые слова и фразы: антинаучная картина мира; верование; постмодерн; религия; триединство; сознание.

Аннотация: Показано отношение В.И. Вернадского и его современников к религии, к духовным ценностям, к науке.

*Системы мира – слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противоположающихся глубин.
Нет выхода из лабиринта знания,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.*

М.А. Волошин, «Путями Каина»

...русский атеизм отнюдь не является сознательным отрицанием, плодом сложной, мучительной и продолжительной работы ума, сердца и воли, итогом личной жизни. Нет, он берется чаще всего на веру и сохраняет эти черты наивной религиозной веры, только наизнанку, и это не изменяется вследствие того, что он принимает воинствующие, догматические, наукообразные формы.

С.Н. Булгаков, «Героизм и подвижничество.
О религиозной природе русской интеллигенции»

Религия, которую А.Ф. Лосев назвал «одной из самых обычных и диалектически необходимых категорий логики» («Диалектика мифа», 1929), – отнюдь не плод заблуждения. И это уже подтверждается на уровне примитивной религиозности, магии: если магия первобытного племени

А.А. Игнатенко – д-р филос. наук, ведущий эксперт НИИ социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова.

только лишь бесполезное суеверие, то зачем и почему такая бесполезная деятельность возникла повсюду и поддерживалась в течение многих тысячелетий? Сейчас ее, магию, называют еще и пранаукой, попыткой воздействием на форму влиять и на сущность феномена. Ведь отличительнейшей чертой науки есть ее упредительность.

Общеизвестно, что существуют два типа познавательной деятельности, в рамках которых находят себе место формы общественного сознания или, как их назвал В.И. Вернадский, способы проникновения в сущее (искусство, религия, философия и наука, именно в такой последовательности построена им в его дневниках их иерархия по принципу наибольшего соответствия истине, адекватности), научный и вненаучный, логический и внелогический, что соответствует природе человека, в частности, функциональной асимметрии полушарий его мозга.

Безусловно, такое подразделение условно, но все же оно помогает во многом разобраться, так как описывает нам естественное бинарное восприятие Вселенной и уж, конечно, не есть повод для вражды тех способов проникновения в сущее, в которых в той или иной мере акцентирована та или иная сторона познавательной деятельности.

И между тем такая вражда еще существует. Почему? Да потому, что враждуют их апологеты: ни атеист, ни религиозный человек доказать друг другу ничего не могут по той простой причине, что спор их – это спор не *ad red*, спор не «к одной истине», и имеет в своей структуре различные исходные аксиомы. Вот само наличие исходных аксиом и есть то общее, что объединяет эти споры, далее – дивергенция: согласно логике строятся покоящиеся на исходных аксиомах доводы в пользу своей Истины, в которую страстно верят стороны спора, каждый в свою.

Говорят, что религия, прежде всего, – переживание, а наука – беспристрастное рассмотрение фактов.

С этим согласиться нельзя. Я бы привел здесь слова В.И. Вернадского, сказанные им своей невесте в год их женитьбы (15.07.1886 г.) о невозможности познать истину, когда спит чувство, не волнуется сердце, когда нет неуловимых фантазий, но они и так общеизвестны, впрочем, лучше, наверное, повторить: «Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий...». Приведенного суждения достаточно, чтобы включить в дискурс уже поставленное самим развитием жизни под сомнение представление о том, что наука не аморальна или моральна, а неморальна. Достаточно в этой связи вспомнить судьбу позитивизма. Позитивизм сейчас – это, когда научную рациональность сводят к банальному и прошлому прагматизму, когда при этом из научной рациональности изымается ценностная компонента и она, рациональность, поэтому предстает как *утилитарно-религиозное верование*. Так сегодня критикуют марксизм, после того как либерализм критически переработал его и, изменив социальность, в основе которой лежит навязанное всем как убеждение потребительство, теперь оправдывает предмет критики марксизма – эксплуатацию и отчуждение человека частной собственностью, разумеется, вне рамок экологического императива, как Дамоклов меч нависшего над человечеством, уже живущим за счет будущих поколений.

А формирование недавно неклассической физики А. Эйнштейном, Н. Бором и М. Планком разве не подтвердило лишней раз необходимости в научных построениях такого критерия как красота! А разве изучение поведения человека как функции его знаний о мире не открыло *естественных корней нравственности*, что убедительно показал еще П.А. Кропоткин в своей «Этике»! Вот почему-то до сих пор ум сводят к хитрости, а разум путают с рациональностью, не признают его триединства, как триединства Духа-Истины, Совести-Связи и Красоты-Ритма, хотя порознь эти ипостаси для характеристики разума и используются, причем с чрезмерным акцентированием на одной из них и более всего на красоте. Даже Ф.М. Достоевский, вопрос которого: «Спасет ли красота мир?», переформулированный рериховцами в утверждение: «Красота спасет мир!», не ставит так вопрос. А после того, как Э.В. Ильенков и М.К. Мамардашвили высказали мысль о поэзии как высшем синтезе познания и способа общения «через призму красоты», которую сейчас считают естественным системообразующим фактором в эволюции, через культуру придающим и смысл жизни человека, это стало общим местом и как-то оттеснило на второй план предупреждение того же Ф.М. Достоевского о недопустимости большой широте человека, которую и красота не ограничивает: «Красота – это страшная и ужасная вещь!», ибо человек в своей душе может одновременно совмещать и «идеал Мадонны с идеалом Содомским»: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил». Разделяет ли это неолиберализм? Справится ли с этим имеющее относительное значение, задаваемое социально-экономическими условиями, т.е. регулирующее более всего внешнее поведение, право, нормы которого «не являются чем-то внешним, так как они живут, прежде всего, в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы» для человека, обладающего «наибольшей свободой деятельности и самовыражения» (Б. Кистяковский «Интеллигенция и правосознание», 1917)? Этическая норма есть выражение связи между людьми, юридическая же – оправдывает и регулирует их разделение, дифференциацию, которую еще Ф. Энгельс считал «существеннейшей чертой жизни» и которая, как мы теперь знаем, взаимообусловлена с интеграцией, почему с необходимостью сворачивается интеграционными процессами объединения в ассоциацию, «жизнь-рост» которой заканчиваемая распадом обуславливает цикл, определяет ритм движения, управлять которым – уже насущная задача. Поэтому и сейчас прав Б. Кистяковский: «Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость» – «Спасение человечества в Разуме» (В.И. Вернадский).

Прямую постановку вопроса о триединстве Разума как триединстве реального, духа и красоты можно найти у Уолта Уитмена, в стихотворении «Космос» (1860 г.): *Он (Космос – А.И.), как и должно быть, соединяет в себе мужское и женское триединство реализма, спиритуализма и красоты или разума.*

До этого разве что Э.В. Ильенков, считавший предметом философии Мышление, придавал последнему характер нераздельности Истины, Добра и Красоты. Но, согласитесь, это не то, что есть свойство Троицы – нераздельность и неслиянность вместе.

И только после доказательства Б.В. Раушенбахом триединства, свойства Троицы, как сущностной характеристики нашего мира (1991 г.), я для себя сформулировал в рамках метафоры аттрактора-вихря триединство Разума как триединство Истины, Совесть и Красоты («Несколько слов в ракурсе синергетики», Кременчуг, 1998 г.).

Сейчас, когда даже в обыденное мышление входит составным элементом представление о пронизанности бытия и жизни ритмами, о цикличности истории, будь то история социальная, культурная или какая-либо другая, о волновой природе не только вещества – волновая природа поля понята ранее, когда стала понятна связанная с ритмами бытия провидческая роль поэтов, бессознательно предчувствующих будущее, которое еще *предстоит уяснить*, необходимо понимать и принимать тот факт, что экзистенция проникает и в научные, и в художественные, и в религиозные построения. И что с ней, экзистенцией, тесно связано *осознание трансцендентности в ее действительности*, что и есть вера (К. Ясперс, «Философская вера», 1991), без которой, как удачно отметил С. Цвейг, *или еще нет, или уже нет человека*.

Вера – это то общее, на котором вырастает и наука, и религия. Все «пространство» веры отдавать религии никак нельзя.

Сейчас настоящее определяют как оставляющий всю предыдущую историю *в прошлом* постмодерн. Но ведь и за постмодерном все более укрепляется представление как о циничной попытке *отжившего прошлого удержаться на гребне жизни*, для чего широко используется управляемая демократия, как манипуляция сознанием человека и общества, манипуляция как выражение нежелания, а то и неспособности к их, человека и общества сознания, *действительному изменению*. Для чего используется прием, найденный Д. Карнеги: если вы не в состоянии изменить ситуацию, измените свое отношение к ней. Только он теперь выглядит так: *лучше менять не действительность, а представление о ней*, а то и в циничной форме: когда вас насилуют, старайтесь не думать об унижении – стремитесь получить удовольствие. Так *действительность сохраняется, а человек в ней закрепляется, да так, что соглашается с ней такой*. Имеем нетворческую ситуацию, охарактеризованную религиозным философом Н.А. Бердяевым: согласие человека с данностью есть «духовная буржуазность». Подобное пронизывает не только политику, выборы, но и жизнь, в том числе и такую форму общественного сознания как науку, отодвигаемую с помощью религии на второй план, именно политики с помощью религиозных деятелей, церкви, осуществляют это неискреннее и неестественное поведение религии.

Постмодерн, являющийся сущностным выражением неолиберализма с его абсолютизацией свободы, как ни чем не должного быть ограниченным и обусловленным выбора, забывая, что выбор – это уже и запрет на другое, десоциализирует человека с помощью деидеологизации его и жизни, биологизирует человека. Удаляясь от идей, человек остается при одних ощущениях! – заметил еще И.В. Гете, единственный из поэтов, оспоривший библейское: вначале было Слово, поставив на его место Дело («Фауст») и так заложив основу тому современному представлению о человеке

как усилие – в него еще надо выделаться, как говорил Ф.М. Достоевский.
ЧЕЛОВЕК – ЭТО УСИЛИЕ!

В таком ракурсе критикуемый социализированный подход к религии связан с апеллирующей, точнее, спекулирующей на недавних репрессиях заранее рассчитанной точкой зрения, имеющей целью утвердить представление о том, что, мол, социализированный подход – путь к агрессивнорепрессивному характеру воинствующего атеизма науки, что и было продемонстрировано в советской действительности властью, как будто бы церковь и не выступала на стороне контрреволюции. Современные адвокаты такого ракурса видения взаимоотношений науки и религии хотят видеть в этом больше, чем невнимание, а именно: *отказ материалистической науке от принадлежащих и ей таких же фундаментальных экзистенциальных аспектов, какие принадлежат и естественной, или моральной, по И. Канту, религии, сводя ее, науку, к абсолютному сциентизму.*

Поэтому не хотят видеть или не видят? – нет, лукаво упускают из поля зрения доктринерство церкви, сливающейся сейчас опять, как и в недавнем прошлом, с государственными структурами, властью, и так навязывающей не только свои корпоративные политические взгляды, но, что важнее и опаснее, **АНТИНАУЧНУЮ КАРТИНУ МИРА!** И это в то время, когда стоит сформулированная отказывающейся быть исключительно сциентической наукой задача синтеза традиционно научного (логического) и вненаучного (чувственного) знания, носителем которого лишь отчасти есть религия – есть еще и искусство, и философия; синтеза должного сейчас, в условиях манипуляции цинизмом постмодерна общественным и индивидуальным сознанием, *искусственно создающим в искаженном отражении сознанием действительности его превращенную форму*, как раз и позволяющую манипулировать собою, сознанием, должным сейчас, в условиях глобальной бифуркации универсальной эволюции, удовлетворять глубокие экзистенциальные потребности личности, среди которых и потребность человека в вере и безотлагательное научное понимание того факта, что всю историю человеческого мышления пронизывает представление, которое А. Эйнштейн, продолжая линию «автоматической руки» И. Ньютона – всемирное тяготение, и А. Смита – рынок, назвал «властвующей над нами тиранией», – о чем-то всеохватывающем и направляющем predetermined сцеплением причин и следствий ход событий во времени, так составляющий свою историю. В.И. Вернадский в своей статье «Кант и естествознание» показал, что это «формирующее стремление, создающее бессознательно целесообразность» открыто в итоге обобщения исторического развития естествознания в XVII в. и передано для осмысления далее.

Ранее всего это связали с Богом, одной из его трех ипостасей – Духом и назвали телеологией, целеполаганием, удивлявшим ученых натуралистов фактом существования функции ранее реализующего ее органа, объяснения которому и служат поиски ответа науки. Как его назовут в век системности и синергетики – не столь уж и важно? Нет! Важно! Дело ведь идет уже не о пошлой адаптации к данности как согласии с ней, а о должной, т.е. выбираемой и управляемой! Здесь необходимо помнить и о рус-

ском космизме, от его религиозной ветви до научной ветви, и об открытом Г. Лейбницем действию (*mvs*), минимуму которого подчиняются все естественные (предоставленные сами себе) процессы природы (принцип П. Мопертюи). Помнить и о том, что от имени, как мы теперь понимаем, многое зависит в *дальнейшем уяснении*, а значит и *пользовании* и судьбе собственно поименованного феномена. Это знали еще древние, недаром же в языческую эпоху родилось суждение: имя не названо и судеб не вершилось! Терминология имеет силу! И ее приходится преодолевать, недаром же современная математика открыла такой способ выхода из тупика как переформулировка задачи, увеличивающая число степеней свободы, число измерений. Действительно, Н. Винер определял информацию как «обозначение содержания, полученного из внешнего мира» («Кибернетика», 1968), а с другой стороны информация как отражение разнообразия взаимодействия есть *отбор соответствующей структуры* его, взаимодействующих компонентов, т.е. фильтр со своей полосой пропускания содержания.

Содержание понятия «правлящего жизнью жизни» (И. Гете) духа, этой гераклитовой меры души, ее высоты, по А.С. Пушкину, что выражается и в том «тянущем за душу» Л.Н. Толстого, и в гетевском «врожденном порыве куда-то ввысь, туда, в зенит», и гоголевском «Вперед!», и ленинском «Weiter! Weiter!», и вообще в стремлении к идеалу-цели как Истине, очевидно связано с движением, почему и должно меряться его же, движения, мерою, т.е. выражаться в терминах физических величин, – потому я на том основании аналогии освобождения В.И. Вернадским понятия жизни от религиозных и философских наслоений и придания ему значения физического принципа и предложил для понятия Духа, объединяющего пространство и время, в строящей их форме аттрактора-вихря, через который и проявляется взаимодействие, такую меру как момент количества движения («Несколько слов в ракурсе синергетики», Кременчуг, 1998).

Отец кибернетики Н. Винер верно сформулировал: «Наука есть способ жизни, который может процветать только тогда, когда люди свободны иметь веру... *без веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки*» (курсив – А.И.) («Кибернетика и общество», 1958). Так что наука не разновидность религии, хотя церковники в очередной раз «выкрутились» – законы установил Бог. Что это? Расширение проблемы в духе В.И. Вернадского (нижележащие способы проникновения в сущее с открытиями науки ставят перед ней новые вопросы) или же по И. Ньютону: «Малое знание удаляет от Бога, большое знание приближает нас к нему»?

А утверждавший, что «всякая религия и всякое теологическое построение может сосуществовать с научным мировоззрением» В.И. Вернадский способы проникновения в сущее расставил по способу адекватности добываемой истины знания так: искусство, религия, философия и наука, с чем трудно не согласиться, особенно, если вспомнить попытку Г. Гегеля, преодолевавшего бифуркацию рационалистической теологии, разделившейся в XVIII веке на теизм и деизм, да еще усиленную И. Кантом, доказавшим, что естественной теологии (рационализации) в отличие от естественной религии нет, что мыслитель зависим от религиозных убеждений, осуществить синтез философии и религии, когда он, Г. Гегель, в

понятие теизм вложил всю полноту веры, любой веры – то ли философской, то ли обыденной. При этом сенсibil В.И. Вернадский так характеризовал свою религиозность: «Я чувствую, что вне рационализования я – глубоко религиозный человек. Но *всякое* выражение божества кажется мне бледным искажением. Мне его не надо – так как оно отдалило, не выражая того, что я в глубине себя чувствую... Если мне теологическое рационализование кажется бледным искажением – то еще больше мне представляется таким атеистические «научные» представления» (Дневник, 8.08.1925 г.).

Я это говорю к тому, что зачастую сейчас как эквивалент Богу, как его синоним употребляют сознание: Бог есть Сверхсознание.

Современная наука считает сознание итогом эволюции и принадлежащим действительности, а не трансцендентным ей (В.В. Налимов «Спонтанность сознания», 1989). Поэтому нашему сознанию предстоит освоить оперирование внелогическими способностями человека, той же, например, интуицией (к чему призывал, указывая на наличие созданных уже к тому наукой оснований, еще пионер системной теории и автор «Тектологии как Общей организационной науки» А.А. Богданов в начале XX века), как оно освоило уже оперирование квантовыми особенностями.

Ведь современного ученого уже не удивляет, как это было с В. Гейзенбергом, назвавшего такую ситуацию крушением теории, нарушение свойств коммутативности ($uv - vu \neq 0$) в квантовом мире. Ведь волновая функция Ψ Э. Шредингера, которую он открыл, будучи неудовлетворенным отсутствием *наглядности* в современных ему интерпретациях квантовых эффектов, открыл с использованием *аналогий*, которые еще И. Кеплер считал Великими Учителями Природы, почему Ф. Энгельс именно на этом основании – аналогии – считал диалектический метод инструментом познания действительности, волновая функция Ψ позволяет описывать объективный квантовый мир, объективные его состояния. Это другое дело, что с ее помощью мы в итоге по необходимости на заключительном этапе эксперимента фиксируем *вероятностный скачкообразный переход* из квантовой области в область классической физики, отвечающую и тому, как устроены и наши нервы, и наш мозг, и наше сознание, которое *не вмешивается в этот процесс измерения, не составляет с объективной действительностью системы, а лишь уясняет себе его итог* как неквантовую, классическую проекцию на прибор одного из множества альтернативных результатов измерения.

Сознание переводит с одного языка (например, микромира) на другой (например макромира), а не творит новую действительность! Последнее – дело Разума. В противном случае мы должны утвердительно ответить на вопрос, заданный А. Эйнштейном, считавшим, что «Бог не играет в кости», в своем последнем докладе за год до своей смерти: «Если кто-нибудь – хотя бы мышь – наблюдают Вселенную, изменит ли это состояние Вселенной?»

Ответил ли утвердительно на этот вопрос Н.К. Рерих, заявивший: «Верить не хотят люди. Каждый нерв, каждая вибрация являют собой созвучие с космическим напряжением... Нужно привыкнуть к мысли, что люди беспрестанно творят. Каждым взглядом, каждым движением они

меняют движение космических волн»? Речь ведь здесь идет о действии, а не мысли, пусть и как ее итог, свойства которой изменять перераспределение энергии так занимали В.И. Вернадского («Мысли и наброски», 2001), так и не нашедшего на него ответа.

Владеем ли мы ответом? Автор математической модели сознания В.В. Налимов интерпретировал идею ноосферы В.И. Вернадского как расширение границ личного сознания человека, носителя смыслов, до или, точнее, в ограниченную своими рамками область «реального (готового к социальным действиям) мира земной жизни, созданной в значительной степени смыслами, запечатленными в человеке» («Спонтанность сознания», 1989). Если вслед за В.В. Налимовым, настаивавшим на разработке в лингвистике по аналогии с физикой понятия семантического поля и предложившим использовать для характеристики работы понимаемого в квантово-механическом смысле сознания как исчисления смыслов (осознанным или границей сознательного и бессознательного согласно П.В. Симонову, автору информационной теории эмоций, является то, что выражено в слове, на языке, т.е., по Г. Фреге, заключающему в себе истинное денотату (обозначаемому) поставлено в соответствие некоторое суждение или смысл и таким образом получено имя), описывающую уровень предмышления формулу Бейесовой логики – уровень мышления описывается логикой Аристотеля:

$$p(\mu/y) = k p(\mu) p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$ – функция распределения, определяющая семантику нового текста, возникшего после эволюционного толчка y ; $p(\mu)$ – функция распределения семантики «старого» или «исходного» текста; $p(y/\mu)$ – фильтр воздействия со своей функцией распределения семантики; k – коэффициент нормировки, то с учетом того, что силлогизм Бейеса порождает свободный от закона исключенного третьего язык, а в языке, являющимся и «основным элементом мышления» и «непосредственной действительностью мысли» (К. Маркс), слова не существуют изолированно, а фильтр воздействия есть содержащаяся в мысли, но не сама мысль, имя-информация, которая в конъюнкции силлогизма Бейеса «модулирует» «исходный» текст, а так и отвечающий ему поток энергии, т.е. меняет его, потока энергии, форму и, следовательно, вызываемое энергией действие по изменению материальной действительности. Правда, для совершения работы необходимо превращение формы энергии. Вызывает ли это превращение изменение формы потока энергии? А почему бы и нет: запруда на реке увеличивает в подвергшемся деформации потоке составляющую потенциальной энергии, т.е. изменяет форму энергии. А мысль вызывает ли подобное? Опосредовано через имя-форму – да, т.е. отвечает на вопрос «как?», а не на вопрос «почему?». И что такое мысль? Форма для информации? Видимо, да. Тогда становится понятным, что следует понимать под материальным в утверждении А.Ф. Охатрина о материальности мысли – фильтр-воздействие, *оформленный* мыслью.

Таким образом, имеем тесную связь жизни, как сохранения формы в метаболизме, и мысли, как формы организующей, оформляющей энергию воздействия. И это наглядно проявляется в стихе, его словесной ткани, слове, которое, как известно, и поднимает, и убивает. Уже не на контину-

альном уровне предмышления и Бейесовой логики, а на уровне подчиняющегося Аристотелевой логике сознательного, т.е. дискретно выраженного в слове, все мы свидетели экспериментов великих художников, поэтов «создать новую материю стиха, это желание никогда не удовлетворено, но при этом выделяется высочайшая энергия. Так было и с Бетховеном, Микеланджело, Гоголем. Так было с Маяковским... Выделяющаяся энергия стиха и есть содержание» или смысл. Так пишет в своем авторском предисловии к сборнику своих избранных произведений «Дубовый лист виолончели» (1975 г.) А. Вознесенский, характеризуя письма Б. Пастернака. А не великие, но не менее искренние поэты, которым «в целомудренной бездне стиха» «странной новизны приходят строки» (Л.А. Озеров), например, Ксения Некрасова так прямо и говорит о «морщинах мысли» («Надежде Константиновне Крупской», 1937):

Лишь бы сердце
Осталось упругим
Не легли бы морщины на мысль.

Ум, как способ мышления, еще Н. Кузанский связал с измерением: умный – измеряющий дух. Измерение – выделение и проецирование в соответствующей системе координат. Результат измерения – не свойство квантовой системы, обнаруженное при измерении, а неклассическая проекция (отображение) свойств той системы на прибор: они не существуют до измерения. Это уже потом сознание воссоздает по этим следам свойства квантовой системы до измерения, как и оценивает будущее через такое отображение во внешнюю среду внутренних качеств, свойств, говоря языком системной теории. Поэтому квантовое измерение не *контр-интуитивно*, как утверждают подчас. Оно не противостоит мозгу нашему и нашему сознанию, не подчиняется законам квантовой механики, а подчиняется законам классической физики, как и та часть Вселенной (Макромир), что наследовала в ходе эволюции ее квантовое состояние (Микромир) и к которой принадлежим мы со всеми своими качествами. Поэтому и соотношения между материализмом и идеализмом (философские концепции) остаются все те же, на которые указал еще В.И. Ленин в своем «Материализме и эмпириокритицизме» (1909 г.) – система координат в картине мира для единой, цельной (холизм) объективной реальности материи, для которой сознание вторично и никак не влияет на вероятность альтернатив в квантовых измерениях, ибо познает свойства квантовых объектов с необходимостью лишь через посредство их классических проекций, являющихся уже элементами не квантового, а классического мира, т.е. отношения субъекта и объекта остаются прежние, характерные для физики классической. В противном случае мы имеем дело с суррогатом веры – отвергающей объективность мира субъективистской интерпретацией, составляющей философское пустословие.

И в заключение приведу снова мысль В.И. Вернадского (дневник, 22.06.1923 г.): «Я считаю себя глубоко религиозным человеком. Могу очень глубоко понимать значение и силу религиозных исканий, религиозных догматов. Великая ценность религии для меня ясна не только в том утешении в тягестях жизни, в каком она часто оценивается. Я чувствую

ее, как глубочайшее проявление человеческой личности. Ни искусство, ни наука, ни философия ее не заменят, и эти человеческие переживания ее касаются тех сторон, которые составляют ее удел. А между тем для меня не нужна церковь и не нужна молитва. Мне не нужны *слова и образы*, которые отвечают моему религиозному чувству. Бог – понятие и образ слишком полный несовершенства человеческого», которую сравню с его же мыслью, но еще молодого человека, которую он высказал в письме к жене на Полтавской земле во время изучения почв Кременчугского уезда 4 августа 1890 г., раздумывая над «Анналами» Тацита в связи с мучившей его тогда мыслью о свободе мысли: «Теперь мысль – сила, и ничто не остановит ее, если будет вера. Вера – подайте нам веру! Тогда явится энергия, тогда опрокинутся все заставы, все затхлые, кишасщие червями клетки, куда насажены разные чудища пугать мысль – точно она воробей. Смело, страстно, вперед!».

Под конец жизни В.И. Вернадский подчеркнул, что он не принадлежит ни к какой конфессии: ни буддизму, которым интересовался в связи с реинкарнацией, ни христианству и что смерть – распадение на атомы и только.

Ну а относительно религиозности, как полноты веры, то о В.И. Вернадском можно сказать словами А.Ф. Лосева: «Верую, потому что максимально разумно».

Faith as the Way to Unite Science and Religion

A.A. Ignatenko

Krementschug Museum of Regional Studies, Ukraine

Key words and phrases: anti-scientific world's picture; religious beliefs; post-modern; religion; trinity; cognition.

Abstract: V.I. Vernadsky's attitude and that of his contemporaries to religion, spiritual values and science are shown.

© А.А. Игнатенко, 2005